

Е.В. Косинцева

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск

Образ возлюбленной в хантыйской поэзии

Аннотация: Женский образ не становился предметом самостоятельного исследования в хантыйской литературе. Вместе с тем в хантыйской поэзии выделяется несколько женских образов, хотя в целом в литературе доминирует мужская тема. Образ возлюбленной – неотъемлемая часть интимной лирики поэтов. В хантыйской поэзии любовная тема представлена немногочисленными произведениями В.С. Волдина, И.М. Шульгина, М.К. Вагатовой, Р.П. Ругина, тем интереснее воплощение образа возлюбленной в них.

The female image has not become a subject of independent research in Khanty literature. At the same time several female images are distinguished in Khanty poetry though on the whole in the literature man's theme dominates. An image of a beloved is an integral part of intimate lyrics of poets. In Khanty poetry the love theme is presented by not numerous works by V.S. Voldin, I.M. Shulgin, M.K. Vagatova, R.P. Rugin, so personification of an image of a beloved in them is more interesting.

Ключевые слова: женский образ, возлюбленная, хантыйская поэзия.

Female image, beloved, Khanty poetry.

УДК: 82-14=511.142.

Контактная информация: Тюменская область, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16, корп. 4. ЮГУ. Тел. (3467) 357650. E-mail: Kosintseva_elen@mail.ru.

Образ возлюбленной лежит в основе немногочисленной интимной лирики хантыйских поэтов, поэтому особенно интересен. Образ возлюбленной пытались создать В.С. Волдин, М.И. Шульгин, М.К. Вагатова, Р.П. Ругин.

Поэтическое наследие В.С. Волдина известно читателю по книге «Так Молупси» (1998). Образ возлюбленной создается поэтом в стихотворении «Мы с тобой». Образ «милой» для лирического героя связан с окончанием долгих поисков: «Я тебя искал, тебя я ждал / И, глазам не верю, повстречал!» [Волдин, 1998, с. 33]. Неожиданность встречи вызывает трепет в сердце героя. В стихотворении видим и детали внешнего облика возлюбленной: «Милая стройна и смуглолица» [Волдин, 1998, с. 33]. Робость лирического героя рождает молчаливый разговор сердца. Волдин употребляет в стихотворении хантыйское местоимение первого лица двойственного числа «Мин», которое является объединяющим началом двух героев, началом рождения любви:

Осмелев, тебе сказал я, – Мин.

Мы вдвоем, ты видишь – мы с тобой!..

Так вот и пришла ко мне любовь

[Волдин, 1998, с. 33].

В стихотворении «Вурты нангкар вурты нэ» («Крепкая женщина, похожая на лиственницу») видим образ возлюбленной, способной пленить сердце лирического героя, созданный на ассоциативных параллелях с природой:

Белой ели белая девушка,
Мое сердце волнует,
Красной коры лиственницы румяная девушка,
Моему сердцу отрада
[Волдин, 1998, с. 101].

Стихотворение «Пант елпийн» («Перед дорогой») – это монолог влюбленного. Лирический герой растерян нахлынувшими чувствами, заморожен красотой возлюбленной, робок и несмел, стеснителен. Однако жизнь без любимой тяжела для героя, отсюда и утверждение: «Мне нужна ты... <...>» [Волдин, 1998, с. 102]. Влюбленный готов подарить возлюбленной мир: «Все небо тебе отдам» [Там же, с. 102]. Внешняя красота возлюбленной не делает героя счастливым, поскольку нет и намека на ответные чувства. Незнание рождает в душе влюбленного вопросы-стоны измученного сердца и разума:

Зачем ты руку мне дала?
Красивое лицо твое я увидел,
И сразу в сердце попало.
Зачем жизнь мою тяжелой сделала?
[Волдин, 1998, с. 102].

В государственном архиве ХМАО-Югры среди рукописей поэта есть стихотворение «Любимой женщине» на хантыйском языке. Вновь видим в стихотворении созданный образ возлюбленной. Все мысли и чувства героя сконцентрированы на расставании с любимой: «Любимая женщина уехала, / Может быть я ее догоню» [Волдин, ф. 506, с. 19].

Лирический герой Волдина стремится удержать «любимую женщину». Отсюда рождаются упреки Оби в быстром течении, научно-техническому прогрессу, который подарил «быстрые теплоходы». Интересна и сама форма произведения – песня, которую поет лирический герой, растворив настежь окно. Его песня сливается с утренним пением птиц:

Песни птиц по утру
В моем доме слышатся.
Окна настежь раскрыл
Об Оби песню пою
[Там же, с. 19].

К образу возлюбленной обратился и М.И. Шульгин. И любовь, и образ любимой женщины связаны у поэта с весной, как, например, в стихотворении «Май». Певцом любви становится жаворонок, да и природа уподобляется невесте. Четко выражено и стремление поэта стать певцом любви:

Жаворонок песней над тайгою
Разбудил приобские края <...>
У черемух свадебные платья,
У цветов смородиновый глаз...
Как хочу певцом таким же стать я,
О любви, как он, звенеть для нас!
[Шульгин, 2009, с. 93].

Со стихотворением «Где ты бродишь?..» в лирике Шульгина появляется мотив поиска возлюбленной. Поиск возлюбленной вновь связан с весной. Местом встречи становится сад, в котором поют соловьи. Песне соловья вторит и влюб-

ленный герой. Его песня-просьба усиливается глаголами-обращениями «услышь, откликнись». Создавая образ любимой, поэт использует контекстные синонимичные наименования «любовь, ласка, мечта» вместе с троекратным повтором притяжательного местоимения «моя», детали портрета: «Золотые глаза твои... / <...> Твои руки, как два крыла, / Твои губы, как лепестки...» [Шульгин, 1975, с. 22]. Образ возлюбленной, рожденный на ассоциациях, сравнениях, – плод тревожного сна героя. Сон и реальность противопоставлены в стихотворении. Реальность не приносит герою счастья, он все еще находится в поиске возлюбленной, хотя его чувства вполне определены: «Я любовь к тебе / В сердце ношу» [Шульгин, 1975, с. 23]. Отсюда и тоска, и неуспокоенность героя в жизни:

Без тебя мне не жить –
Маята. <...>
Ты с ума меня напрочь свела,
И сгораю я
От тоски!
[Шульгин, 1975, с. 22–23].

Обретение возлюбленной наделяет героя силой. Страшным наказанием становится расставание с любимой. Влюбленный преодолевает любые трудности, которые встают на его пути к дому любимой женщины:

Мне, привыкшему к стуже, не страшно без солнца,
Не расстаться бы только с тобой! <...>
Сквозь пургу, сквозь мороку сумею пробиться
В твой, за синими далями, дом.
[Шульгин, 1975, с. 66].

Дом становится местом обретения счастья с любимой в лирике Шульгина. Поэтому закономерна повторяемость мотива строительства дома для любимой – места познания счастья и создания новой семьи. Интересно, что и место и сам дом, вызывают ассоциативную параллель с русским фольклорным образом белокаменного терема, в котором живет краса-девица. В стихотворении «У реки...» читаем:

У реки с водой студеной
Место выбрал я для дома –
И четырехстенный дом
На сухом лесном откосе
В этот год срубил из сосен.
Мы живем с любимой в нем.
Он белеет на откосе,
А вокруг шумят березы...
[Шульгин, 2009, с. 78].

Стоит отметить, что эмоциональное состояние влюбленных поэт выражает в улыбке: «И встретишь улыбку влюбленных» [Шульгин, 1975, с. 21]. Видим улыбки влюбленных и в стихотворении «Дочь народа»: «Улыбается / Она. / Тоже, видно, / Влюблена» [Там же, с. 72]. Это едва ли не единственное стихотворение в творчестве Шульгина, в котором отражены ответные чувства возлюбленной и в котором хорошо просматривается облик героини. При создании портрета, Шульгин не прибегает к глаголам, минимизированы и прилагательные. Однако образ не стал менее художественным:

Платье красное,
Как флаг.
Очи ясны,
Легок шаг.
Обувь ладная
На ней
Нет стройней
И нет умней!
Тяжела
Ее коса,
Но нежна
Ее краса.
Щеки пышут –
Маков цвет.
Краше нет,
Добрее нет.
Бровь не бровь,
А рог луны
[Шульгин, 1975, с. 71–72].

В стихотворении подчеркивается не только внешняя красота, но и ум, и внутренние качества (доброта) возлюбленной. Стоит отметить и частушечный ритм стихотворения. Тот же ритм доминирует в стихотворении «Рыбачка», в котором видим портрет «сибирячки», способной вскружить голову, заставить влюбиться, но при этом самой ответных чувств не испытывать: «Ты любить заставить можешь, / А сама не влюбишься» [Шульгин, 2009, с. 177]. В стихотворении выделяются обращения к девушке, которые использует поэт: «девушка-рыбачка», «гордячка-сибирячка». Они указывают и на профессиональную сферу деятельности девушки, и определяют ее место территориально, и подчеркивают ее характер:

Не дают покоя мне
Косы твои длинные.
Часто вижу я во сне
Брови соболиные.
Руки, словно крылья птицы,
Ловкие и быстрые.
Ты работать мастерица –
Пред тобой не устоять.
Запоешь и заморожишь,
Просто залюбуешься.
Ты высокая и статная,
В дом ты счастье принести стремишься
[Там же, с. 177].

Сравнение юной девушки с красным солнышком видим в стихотворении «Милые наши девушки...». Интересно, что рядом со словом «красавицы» Шульгин употребляет два эпитета – «милые, славные», которые характеризуют не броскую, экзотическую внешнюю красоту, а скорее подходят для описания спокойной, внутренней привлекательности женщины. Такое утверждение подтверждается и сравнением женщины с цветком. Шульгин сравнил юную красавицу с полевым цветком, который увядает, «осыпается», будучи разлученным с родной землей. Печать изменений ложится и на внешность, меняется и внутренняя состав-

ляющая. Используя антитезу, поэт показывает, изменения, которые происходят в женщине:

С родной землей разлученные,
Словно бы осыпаются,
Блекнут глаза и губы их,
Перегорают мечты.
А на родной сторонушке
Каждая – красное солнышко
[Шульгин, 1975, с. 33].

Создавая образ возлюбленной, поэт выделяет не только внешность девушки, но и ее качества как хозяйки дома, предполагаемой спутницы жизни лирического героя. Поэт попытался создать идеал возлюбленной, в котором бы гармонично сочетались все женские достоинства и умения. Женский идеал связан с категорией счастья. Идеал далек от реальности, на это указывает и видение возлюбленной во сне. О вымышленности, сказочности образа свидетельствует и используемый поэтом глагол «заворожишь».

Чаще возникает в любовной лирике Шульгина уподобление возлюбленной лесной фее из древних хантыйских сказов. Интересно, что этот образ входит в сознание героя через сон. Такое восприятие возлюбленной видим в стихотворении «Девушка-сон». Создавая образы влюбленных, поэт использует сравнения из мира природы, а единство героев подчеркивает местоимением «мы». Да и само ощущение рождения любви, и образ возлюбленной возникают в стихотворении через сон солдата, который, проснувшись, уверен, что «Сбудутся чистые сны!»:

Мы – словно чайки с тобой острокрылые,
Мы – как олени весною пышной.
Я называю тебя: Мишнэ...
Вот и догнал! Ты напрасно скрываешься!
К счастью нас выведет эта тропка.
Ты, как ромашка, ко мне склоняешься,
Ты, как ромашка, – робкая...
[Шульгин, 2009, с. 250].

Подобная параллель возлюбленной с лесной феей встречается и в поэме «Макар Осьмаров»:

Он фею светлоглазую искал...
Она входила в жизнь его во сне –
Под сенью кедров, лиственниц и вязов,
Простая фея из хантыйских сказов,
Красивая и верная Мишнэ.
Он слышал шелест девичьей косы,
Ее шаги в таежном отдалении!
Ее глаза – в прозрачности росы
И приближение – в поступи оленьей
[Там же, с. 199].

Стоит обратить внимание и на цвет глаз возлюбленной (они светлые), поскольку у всех остальных хантыйских поэтов цвет глаз любимой сравним с цветом ночи.

Тоска о любви и поиски возлюбленной приводят героя поэмы Шульгина к встрече с «феей яснолицей»:

Но как-то раз Макар столкнулся с ней –
В тайге, случайно, с феей яснолицей, <...>
С девчонкой из соседнего селенья
[Шульгин, 2009, с. 199].

Поэт обращает внимание и на внешность возлюбленной: «Она была легка, как небеса, <...>/ Она была ловка, как росомаха, / Стекала по плечу ее коса» [Там же, с. 199], и на голос, не случайно ее «доброй песне» внимает окружающий мир и природа: «И пела песню добрую она, / И пела так, что лес напрягся немо, / Ее словам внимала тишина, / И жаворонки, смолкнувшие в небе...» [Там же, с. 200].

Повествуя о чувствах героя поэмы, Шульгин соединяет образ возлюбленной с образом земной женщины. Иллюзорное восприятие возлюбленной нарушается воспоминанием о давнем знакомстве и тяжелом женском труде. Да и из феи она переходит в статус «девчонки голенастой»:

Девчонка голенастая, – навоз
Она зимой когда-то убирала,
И не было еще тяжелых кос,
Тугая бровь так славно не играла. <...>
...Прошло, наверно, семь иль восемь лет
С момента их последнего свиданья.
Она теперь красива и горда,
Ей не страшны невзгоды и напасти,
Ее судьба – судьба родного края
[Там же, с. 200].

Тоску по оставленной возлюбленной видим и в стихотворении-посвящении Шульгина «Любимой». Мотив ожидания встречи солдата с любимой, исполнение заветных желаний проходят лейтмотивом через все произведение. Необычное обращение лирического героя к возлюбленной выделяется в стихотворении – «тучка белоснежная». Для выражения чувств влюбленного поэт использует форму песни, слова которой, подобно водам ручья, несут его чувства к возлюбленной. Ручей и песня становятся связующими звеньями влюбленных:

Я пою одной тебе
Песни свои нежные.
И бегут они к тебе,
Как ручьи журчащие,
И несут они тебе
Чувства настоящие
[Там же, с. 173].

Интересно восприятие образа возлюбленной в лирике М.К. Вагатовой. Ярко образ возлюбленной воплотился в стихотворении «Вы белый лебедь взгляду моему». Образ любимой создан через эмоционально-чувственное восприятие влюбленного. Чувства героя безответны, отсюда и смирение, покорность героя судьбе. Интересно и сравнение возлюбленной с белым лебедем: «Вы белый лебедь взгляду моему, / Как лебедя не смею вас неволить» [Вагатова, 2002, с. 81].

Возлюбленная воплощает высокий чистый идеал, о котором можно сказать словами А.С. Пушкина: «Чистейшей прелести чистейший образец». Возведение возлюбленной на пьедестал отражает высокие отношения между влюбленным и объектом его поклонения. Отсюда и утверждение героя: «И я на все готов для вас одной» [Там же, с. 81], усиленное глагольным рядом: «прислушайтесь, пой-

мите и поверьте». Недоступность, холодность возлюбленной рождает альтернативный вариант взаимоотношений между влюбленным и его любимой: «Хотя бы отчуждения не сейте» [Вагатова, 2002, с. 81]. Эмоциональное напряжение лирического героя настолько сильно, что ощущается боль сердца: «Напряжены, болят все нити сердца» [Там же, с. 81].

Образ возлюбленной видим и в стихотворении «Войди в мой дом...». Восприятие возлюбленной-судьбы дано глазами влюбленного, отсюда и сравнение ее с морошкой и священным деревом. Поэтично переданы ощущения героя от встречи с любимой:

Вкусным соком спелой морошки
Сердце залилось и растаяло,
Вкусным соком спелой морошки
Все нутро мое наполнилось
[Там же, с. 10].

Желание героя быть рядом с возлюбленной объяснимо, поэтому и появляется в стихотворении предложение, повторяющееся дважды: «Войди в мою жизнь – мой дом. / Живи со мною.<...> / Войди в мой дом – в мою жизнь, / Живи со мной вместе» [Там же, с. 10].

Необычно воплощается образ возлюбленной в стихотворении «Твои глаза, подобные двум звездам...». Возлюбленная напоминает снежную королеву, в которой ожили яркие чувства, закипели страсти. Образ раскрывается через ощущения не лирического героя, а самой героини, в которой взгляд высокого красивого мужчины «с высокой большой душой» разбудил чувства, растопил ее застывшее сердце, не случайно поэтесса сравнивает сердце героини с кусочком льда. Взгляд лирического героя сопоставляется с огнем, солнечным теплом. Вспыхнувшее чувство ярко, поэтесса сравнивает его с кипящим котлом, горячим огнем. Поэтично именуется она и зарождающуюся любовь, и сам процесс ее рождения:

Светом дневного летнего Солнца
Наполнилось мое сердце,
В кипящий котел упавший кусочек льда – мое сердце –
Растаяло, растопилось.
В горячий огонь упавший кусочек льда – мое сердце –
Стало светиться, искриться
[Там же, 2002, с. 73].

Завершается же стихотворение чередой вопросов влюбленной женщины мужчине, ответы на которые могли бы определить ее будущее:

Что же теперь ты можешь мне сказать?
Что же можешь сделать, чтобы это остановить?
Мое, женщины, горячее сердце
Чем и как ты можешь остудить?
Мое, женщины, крылатое сердце
Чем и как ты успокоишь?
Высокий мужчина, красивый мужчина,
Зачем ты встретился мне?
Человек с высокой большой душой,
Зачем ты меня нашел?
[Там же, с. 73].

Возлюбленная как идеал, как объект поклонения сближается с образом музы. Музы всегда вдохновляли поэтов на творчество. Последние же в свою очередь посвящали им свои произведения. Не исключение и М.К. Вагатова. В ее поэзии можно встретить посвящения Е.Г. Харанзеевой, Е. Шмидт и др. Своеобразное воплощение музы можно увидеть в стихотворении «Аннэ», посвященном А.М. Коньковой. Произведение носит биографический характер. Поэтесса воссоздает образ женщины с нелегкой судьбой, у которой была одна цель – сохранить красоту земли и мудрость народа, поэтому ее имя осталось в народной памяти: «О, Аннэ, ты народу по доброму нраву...» [Литература Югры, 2001, с. 127]. Жизнь этой женщины стала образцом. Автор делает сознательный выбор – продолжить начатое Аннэ, стать ее учеником, преемником. Отдельные строки звучат клятвой верности избранной стезе.

Автор трансформирует образ музы, поскольку в нем можно выделить черты образа женщины-вдохновительницы и образа творца, созидателя. Примечательно, что последняя позиция более осознанна и мотивированна у поэтессы: «В моем сердце вся природа, / Добрый нрав и ум народа» [Вагатова, 2002, с. 16]. В стихотворениях неоднократно звучит четкое понимание правильности выбранного пути – стать поэтом, носителем знания и трибуном народного гласа. Поэтесса сознает всю силу поэтического слова и его значение:

В ритмах сердца и устно, и письменно
Я к народу лечу моему,
Ибо слово рождается истиной
Женской доли в таежном краю.
Оттого и крылатою стала
Негромкая песня моя,
Но куда бы она ни летала –
Возвращается в наши края.
Никогда никого не обижу
Здесь, где звуки любви родились,
Где я в сердце ношу все, что вижу,
Что песнею названо: жизнь!
[Там же, с. 31].

Образ возлюбленной гармонично влился и любовную лирику Р.П. Ругина. Н.В. Цымбалистенко в издании «Север учил ничего не тая... (Творчество Романа Прокопьевича Ругина)» (2008) отметила: «Женщина ассоциируется в поэзии Р. Ругина с животворящей музой, которая существует рядом с поэтом, в некой виртуальной реальности сна, в мыслях, в творческих фантазиях. Она – ветер, парус надежды, жаркий ливень, поющий снегирь, таинственный и ослепляющий туман, лесная фея...» [Цымбалистенко, 2008, с. 21].

В стихотворении «Обычай» поэт в древнем ритуале выделил представления хантыйского народа о девичьей красоте:

Если дочь – березка постройнее
Выбиралась неспроста:
В жизни пусть не расстаются с нею
Стройность, нежность, красота.
Чтобы льнули к ней, другим на зависть,
Парни, сердцем горячи,
Чтобы взгляды их ее касались,
Как листвы – лучи
[Ругин, 2004, с. 171].

Любовь лирического героя в поэзии Ругина сравнима с безграничной свободой. Стихии природы не властны над влюбленными. Не случайно поэт сопоставляет ветер и любовь. Чувство влюбленности рождает ощущение единения с любимой, которое несет тепло и светлые эмоции. Как и М.И. Шульгин, Р.П. Ругин связывает рождение любви с весной. В стихотворении «Весна» поэт утверждает, что «...с пришествием весны / Со всей природы снят обет безбрачия» [Ругин, 2004, с. 275].

Чаще всего образ возлюбленной в лирике Ругина видится глазами влюбленного. Так, в стихотворении «Пусть, что мне осталось, – все короче...» ключевой деталью облика возлюбленной становятся глаза. Синонимом глаз в стихотворении выступает и их архаичное наименование – «очи». Поэтически описывается и цвет глаз возлюбленной. Ругин использует сравнение и антитезу:

Но глаза твои – таежные две ночи – <...>
Черные – а светят! Что за чудо! <...>
Летом и зимой, везде и всюду
Ярче света солнечного дня. <...>
Вновь тону в твоих очах-ночах...
[Там же, с. 278].

Верность возлюбленной, взаимность чувств объясняют уверенность героя в том, что свет глаз любимой предназначен только ему. Свидетельством этого выступают годы, которые изменили облик влюбленного: «Волосы, как ягель, поседали, / Грузом – возраст на моих плечах» [Там же, с. 278], но не изменили его чувств. Воспоминания возвращают влюбленного к первой встрече с любимой, помогая вновь пережить состояние влюбленности, уподобляемое «грозовым волнам» с которыми столкнулся «неопытный пловец»:

То взлетал на гребень я, то круто
В глубину бездонную летел,
Но при всем при этом ни минуту
Выбраться на берег не хотел.
Как не стыдно в этом признаваться,
Вздумай кто-нибудь меня спасти,
Я руками стал бы отбиваться,
Я ногами стал бы отбиваться,
Ты меня, спаситель мой, прости!
[Там же, с. 278].

Закономерен и вывод, к которому приходит лирический герой: «Видно, только так вот – погибая! – / Жить с тех пор на свете я могу» [Там же, с. 278]. Это утверждение определяет жизненный приоритет влюбленного.

Глаза как воплощение образа возлюбленной видим и в стихотворении «Ночные глаза». Именно они являют тайну лирического героя. Вновь видим вполне конкретное указание на цвет глаз, в которых влюбленный «запропал» навсегда и остался их пленником. Да и само обращение «черноглазая» указывает на это. Вновь встречаем и чередование наименований «глаза – очи»: «А глаза любимые – / Две таежных ночи! <...> / Но во век не выбраться из ночных очей» [Там же, с. 303–304]. Подчеркивается не только цвет глаз любимой, но и их красота и глубина.

Иное восприятие возлюбленной в стихотворении «Красивая женщина». Сравняет поэт возлюбленную со снегирем: «Порою поющим слетишь снегирем. / Уютно устроишься в сердце моем – / Пушистый и мягкий комочек тепла. / И словно зимою весна наплыла» [Там же, с. 280]. Образ возлюбленной – полуил-

люзия-полуреальность. Сравнения возлюбленной с природными и погодными явлениями, такими как ветер, ливень, туман, подчеркивают ее непостоянство, изменчивость, которые поддерживают неуверенность героя во взаимности чувств, поэтому и появляется ощущение опустошенности, безнадежности: «Быть может, в тумане у бездны стою, / Ловя в безнадежности руку твою» [Ругин, 2004, с. 280].

Уподобление возлюбленной «тонкой лесной фее» объясняет колдовские чары, которые отнимают силы у лирического героя. В стихотворении появляется и мотив разлуки, потери возлюбленной: «Когда ж ухожу – ты приходишь ко мне, / Как легкая зыбь на смиренной волне. / Так, стало быть, чтобы своею назвать, / Я должен тебя навсегда потерять» [Там же, с. 280].

Смирение становится ключевым качеством возлюбленной, проявляются ответные чувства, когда возникает опасность расставания с влюбленным.

Сравнение возлюбленной с угольком, который упал в сердце и зажег «в нем навек нестерпимое пламя», находим в стихотворении Ругина «Вновь следы мои смыло волною с песка...». В глазах любимой сконцентрированы жизненные силы лирического героя:

Вновь глаза твои вижу.
Они мне нужней
Родниковой воды и насущного хлеба
[Там же, с. 298].

Ключевые настроения лирического героя обозначены уже в первой строфе стихотворения: «Снова в сердце моем и печаль, и тоска, / Снова имя твоё обжигает мне губы» [Там же, с. 298]. Стоит обратить внимание и на тот факт, что у возлюбленной появляется имя, которое известно только лирическому герою. Имя любимой как заклинание повторяет влюбленный и губами, и сердцем: «Твое имя шепчу, и слова, как лучи / Обжигают опять мне и сердце, и губы» [Там же, с. 298].

Вновь находим упоминание имени возлюбленной в стихотворении «Хоть сердце томится в моей груди...». Имя возлюбленной сокрыто лирическим героем, как запретны и чувства влюбленных:

Ведь у тебя твой хороший муж
И дети тебя согреют.
И сам я женатый давно,
К тому ж
Я тоже детей имею
[Ругин, 2004, с. 300].

Любимая женщина появляется и в стихотворении «Память – расстояний одоленье...». Явление возлюбленной лирический герой поэтически сравнивает со «вспышкой незабытой красоты», с прилетающим снегирем, с бешеным ветром, с густым туманом. Каждая встреча несет новые эмоциональные переживания влюбленному: то в груди теплеет, то следует влечению сердца, то блуждает в «...мире этом странном, / Ни тропы не видя, / Ни небес» [Там же, с. 301]. Какие бы сомнения не терзали лирического героя: «Может быть, уже и понапрасну / Счастья нить держу в своей руке? / Как узнать?», – думы и мечты его о любимой. В последней строфе стихотворения четко обозначена роль возлюбленной в его жизни – она и лесная фея, и солнце:

Но только все теплее
О тебе и думы, и мечты.
Как легки шаги таежной феи! –

Это ты.
И солнце – тоже ты
[Ругин, 2004, с. 301–302].

Любовь не бывает без испытаний, ссоры между влюбленными подобны шторму на реке. Рассерженную возлюбленную и запечатлел Ругин в стихотворении «Ох, как бываешь порою сердита...». Интересные сравнения любимой женщины в минуту гнева использует поэт:

Ох, как бываешь порою сердита –
Яд и стрела, и гроза!
Словно бы корочкой льдистой покрыты
Эти родные глаза
[Там же, с. 299].

Образ возлюбленной, «брезгливо» отвергнувшей чувства влюбленного, видим в стихотворении Ругина «Неразделенная любовь». «Нелегкая доля» любви лирического героя, переполненное болью сердце, «воспаленный мозг» взращивали любовь, переросшую в восхищение-поклонение возлюбленной:

Те слова –
Любовь свою и муки –
Я готовил для единой цели,
Чтоб они тебя, как солнца руки,
В нужный миг на холоде согрели.
Чтоб они сгорали, как поленья,
Сблизив расстоянья между нами...
[Там же, с. 302].

Безответная любовь выливается в крик души влюбленного, и поселяется болью глубоко в сердце: «Неужели я тебя не стою / И чужие в мире наши души? / Никакой арканною петлюю / Эту боль на сердце не задушишь...» [Там же, с. 303].

Отвергнутые возлюбленной чувства – это не только мука лирического героя, это еще и источник его песен, которые рождаются спустя годы, разрушая расстоянья.

Видим, что образ возлюбленной – это неотъемлемая часть любовной лирики хантыйских поэтов. В их творчестве возлюбленная воплощается чаще всего через лирического героя, его переживания, ощущения, чувства. Эмоциональный фон, сопровождающий образ возлюбленной, тоже весьма традиционен: от влюбленности, поклонения до печали, тоски, боли и муки. Когда возлюбленная возведена на пьедестал, она сближается с образом музы, и это отражено в лирике Вагатовой.

С образом возлюбленной в любовной лирике хантыйских поэтов появился мотив поиска возлюбленной. Наличие этого мотива не случайно. Условия жизни на Севере, территориальная разобщенность семей и родов ханты вынуждали мужчин брачного возраста искать спутницу жизни, помощницу и хозяйку в дом, так как близкородственные браки были под запретом. В фольклорных произведениях встречаются упоминания о том, что иногда женщина становилась не только главным трофеем, но и причиной войны или набега. В работе «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям» С. Патканов пишет об этом: «Главной причиной войн было, как мы знаем, желание князей добыть себе жен, которых они не могли искать среди жительниц своего города. И этой одной причины, помимо других, было достаточно, чтобы в стране Остяков велись почти непрерывные войны между отдельными князьками, если принять во внимание, что между представителями каждого остяцкого княжеского рода числилось несколько лиц

мужского пола и что богатыри имели часто несколько жен» [Патканов, 1981, с. 62].

Этническими особенностями можно объяснить и еще одну закономерность в образе возлюбленной – отсутствие портрета. Чаще всего встречается с поэзии лишь указание на глаза. В хантыйской культуре существует обычай избегания, в соответствии с которым женщина должна закрывать от мужчины лицо платком. Поэтому и у возлюбленной в хантыйской поэзии нет лица, а воспеваются ее глаза, реже походка, волосы, голос (речь), то, что доступно и обозримо.

Литература

Вагатова М.К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки. Екатеринбург, 2002.

Волдин В.С. Мосты нэнгием // Государственный архив ХМАО: Фонд 506, опись 4, дело 10, 19 оборот.

Волдин В.С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. Ханты-Мансийск, 1998.

Литература Югры. 1930–2000. Поэзия. Антология. Ч. 1. / Сост. Н.И. Коняев. Люберцы, 2001.

Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1981.

Ругин Р.П. Избранные стихи. Екатеринбург, 2004.

Цымбалистенко Н.В. Север учил ничего не тая... (Творчество Романа Прокопьевича Ругина). Салехард, 2008.

Шульгин М.И. Благодарность. Стихи. Свердловск, 1975.

Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / Сост. Н.И. Величко. Ханты-Мансийск, 2009.